

лѣйшей жестокости».

Полагая, что уваженіе, основанное на страхѣ,—не надежная опора, генераль Мищенко хотѣлъ расположить трудолюбивыхъ и миролюбивыхъ китайцевъ къ русскимъ войскамъ не строгостью, а ласкою, уваженіемъ ихъ личности и права. «Только такимъ отношеніемъ,—говоритъ дальше авторъ книги,—и можно было снискать ту общую любовь, которою генераль пользовался въ отрядѣ и въ китайскомъ населеніи».

В. А. Апушкинъ указываетъ на постоянную заботу генерала П. И. Мищенко установить между воинскими частями добрыя товарищескія отношенія, имѣющія въ бою слѣдствіемъ «взаимную самоотверженную поддержку и выручку». Говоря о взглядахъ генерала Мищенко на боевую службу, авторъ указываетъ на особую заботливость генерала о солдатахъ и приводитъ слѣдующія характерныя слова генерала: «главное дѣло, чтобы онъ (солдатъ) былъ всегда сытъ. Отъ сытости—здоровье и веселье. Сытый солдатъ бодръ духомъ и готовъ работать

24 часа въ сутки. Отъ сытости и порядка. Сытый солдатъ отъ своей части не отобьется, онъ за нее зубами держится и не пойдетъ по сторонамъ, по деревьямъ высматривать съѣдобное. Не жалѣйте для котла ни трудовъ, ни средствъ. Съэкономите на немъ, проиграете на дѣлѣ. Останется больше рублей, но меньше людей».

Предлагая начальникамъ заботиться о солдатскомъ котлѣ, генераль Мищенко указываетъ на необходимость, чтобы «заботы о солдатскомъ желудкѣ шли рука объ руку съ заботами о солдатскомъ сердцѣ и умѣ».

Переходя къ личности самого генерала Мищенко, авторъ книги говоритъ: «во главѣ нашего передового коннаго отряда стоялъ не теряющійся ни въ какой обстановкѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, генераль Мищенко.... Его хладно кровіе, полное спокойствіе духа, съ которымъ онъ выслушивалъ самыя неприятныя, нерадостныя донесенія, ясность его

мысли, умѣніе распутывать самыя сложные узлы—были поразительны... Мы любовались имъ»...

Перечисляя боевыя качества генерала Мищенко, г. Апушкинъ говоритъ: «лучшаго боевого генерала, болѣе добросовѣстнаго исполнителя боевыхъ задачъ мы во время войны не имѣли.... только такимъ и дается безпредѣльная солдатская любовь и вѣра—эти залого боевого успѣха.... Мищенко заведетъ, но и выведетъ»—говорили про него въ отрядѣ и вѣрили въ него беззавѣтно.

Выдающаяся личная храбрость генерала Мищенко создала ему легендарный ореолъ «заколдованнаго отъ японскихъ пуль». «Мужество, съ которымъ онъ стоялъ открыто, во весь ростъ, подъ ужаснымъ огнемъ, очаровало всѣхъ насъ, подчиняло себѣ и изумляло... удѣлѣть ему—казалось чудомъ».

Намъ, туркестанцамъ, ожидающимъ къ себѣ новаго Главнаго Начальника края, слѣдуетъ прочесть интересную книжку В. А. Апушкина, въ которой рельефно нарисована мощная фигура генерала П. И. Мищенко съ его живою и чуткою душою *человѣка*, сильнаго и крѣпкаго сознаніемъ долга.

1868 годъ въ исторіи Туркестанскаго края.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Средней Азій разыгрался рядъ событій, съ одной стороны покрывшихъ новой славою боевыя туркестанскія войска и поднявшихъ обаяніе русскаго имени въ глазахъ всего Востока на недосыгаемую высоту, а съ другой—окончательно упрочившихъ наше владычество въ этой части азіатскаго материка. Событія эти заключались въ окончательномъ разгромѣ военнаго могущества сильнѣйшаго изъ среднеазіатскихъ владѣтелей—эмира Бухарскаго, покореніи Самарканда, священнаго города для мусульманъ Средней Азій, въ завоеваніи и включеніи въ составъ Имперіи обширной территоріи и въ

полномъ подчиненіи нашему вліянію гордаго владѣтеля Бухары.

Несмотря на рядъ военныхъ неудачъ, испытанныхъ бухарцами, на поражение сильной арміи эмира у Ирджара, на потерю сильнѣйшихъ крѣпостей Уратюбе и Джизака, эмиръ Сеидъ-Музафаръ недостаточно сознавалъ невозможность борьбы съ Россіей. По незначительному числу нашихъ войскъ въ Средней Азіи онъ составилъ себѣ ложное понятіе о нашей слабости, почему, избирая весною 1867 года новаго посла для веденія переговоровъ о мирѣ, не имѣлъ искренняго желанія заключить прочный миръ съ Россіей на тѣхъ условіяхъ, которыя опредѣлялись современнымъ положеніемъ обѣихъ сторонъ и взаимными ихъ выгодами. Поставивъ главною цѣлью переговоровъ возвращеніе Уратюбе и Джизака, эмиръ, надо полагать, желалъ вести переговоры такъ, чтобы въ случаѣ, если просьба о возвращеніи этихъ городовъ не будетъ принята, онъ не терялъ надежды силою оружія возстановить Бухарское ханство въ прежнихъ его предѣлахъ, сохранивъ и прежнее первенствующее свое положеніе въ Средней Азіи. Въ концѣ 1867 года въ Ташкентъ прибылъ назначенный первымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ и засталъ переговоры о мирѣ съ Бухарой въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Несмотря на искреннее желаніе главнаго начальника края, снабженнаго обширными полномочіями, возстановить спокойствіе въ нашихъ новыхъ владѣніяхъ и устранить, по возможности, всѣ поводы къ враждебнымъ отношеніямъ съ Бухарою, несмотря на нѣсколько писемъ, посланныхъ генераломъ Кауфманомъ эмиру съ цѣлью ускорить переговоры и привести ихъ къ благопріятному окончанію, Сеидъ Музафаръ подъ различными предлогами затягивалъ переговоры, такъ что до весны 1868 года положеніе оставалось столь же неопредѣленнымъ, какъ и осенью предыдущаго года. Убѣдившись въ полномъ нежеланіи эмира возстановить мирныя

отношенія съ Россіей путемъ принятія предложенныхъ ему условій договора, а также въ виду полученныхъ свѣдѣній о сосредоточеніи многочисленныхъ бухарскихъ войскъ у Самарканда, объ обширныхъ и сильныхъ военныхъ приготовленіяхъ бухарцевъ и о появленіи отдѣльныхъ шаекъ бухарцевъ на нашей границѣ, командующій войсками призналъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры и въ началѣ апрѣля двинулъ изъ Ташкента часть находившихся тамъ войскъ на усиленіе нашего передового отряда, расположеннаго у Яны кургана, на половинѣ пути отъ Джизака къ Самарканду, а 18 числа самъ выѣхалъ въ Джизакъ, чтобы лично руководить предстоящими дѣйствіями войскъ. Въ Джизакъ генералъ Кауфманъ прибылъ 21 апрѣля и на другой день выѣхалъ въ Яны курганъ для осмотра передового отряда. Въ теченіе недѣли всѣ приготовленія къ походу, давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшемуся войсками, были закончены и утромъ 30 апрѣля дѣйствующій отрядъ, въ составѣ 21 роты пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ, всего околомъ 3500 человекъ, подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками, выступилъ по самаркандской дорогѣ и послѣ труднаго, благодаря страшно жаркому дню, перехода расположился на ночлегъ на урочищѣ Ташъ-купрюкъ (каменный мостъ), на половинѣ пути отъ Яны-кургана къ Самарканду.

Выступивъ на другой день, въ четыре часа утра, съ позиціи на Ташъ-купрюкъ и приблизясь къ Зарявшану, отрядъ былъ встрѣченъ непріателемъ въ садахъ, покрывающихъ всю долину этой рѣки, и продолжалъ движеніе съ небольшою перестрѣлкою. Такъ какъ генералъ Кауфманъ имѣлъ увѣреніе отъ начальствовавшихъ въ Самаркандѣ бековъ, что духовенство и народъ желаютъ мира и что войны не будетъ, то послалъ начальника походнаго штаба, полковника Петрушевскаго остановить стрѣльбу въ авангардѣ, если бухарцы не особенно препятствуютъ движенію впередъ. Полковникъ Петрушевскій съ сотней казаковъ былъ встрѣ-

чевъ выстрѣлами и, оттѣснивъ непріятеля, по приказанію командующаго войсками, поставилъ кавалерію въ сторонѣ отъ дороги, по которой была двинута пѣхота авангарда. Въ это время къ нему явился парламентаръ Назмуддинъ ходжа и, принятый главнымъ начальникомъ войскъ, объявилъ, что привезъ отъ эмира мирныя условія, утвержденныя его печатью тѣ самыя, которыя ему были предложены, и просилъ остановить войска на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ засталъ, но такъ какъ въ то же время непріятель появился съ разныхъ сторонъ, то генераль Кауфманъ не призвалъ возможнымъ исполнить эту просьбу и объявилъ посланнику, что войдетъ въ переговоры только тогда, когда станетъ на ночлегъ.

Выйдя изъ садовъ на обширную поляну, отдѣляющую ихъ отъ Зарявшана, отрядъ увидѣлъ на противоположномъ берегу отдѣльную значительную высоту, тянувшуюся, подъ угломъ къ рѣкѣ, версты на три; высота эта была покрыта массами непріятеля, рѣшившагося, повидимому, защищать переправу. Глубокая и быстрая вода въ нѣсколькихъ рукавахъ, казалось, могла остановить войска. Генераль Кауфманъ объявилъ посланнику эмира, что не можетъ остановиться на ночлегъ въ виду непріятеля, а потому, если онъ желаетъ избѣжать кровопролитія, то чтобы послалъ кого-нибудь къ своимъ сказать, чтобы они убрали войска, иначе высоты будутъ взяты штурмомъ; это было въ полдень. Между тѣмъ съ правой и съ лѣвой стороны отряда начали собираться густыя массы непріятельской конницы, противъ которой были двинуты четыре сотни казаковъ съ четырьмя конными орудіями и ракетнымъ дивизиономъ; не смотря на открытый съ высотъ огонь изъ шести орудій казаки лихо атаковали непріятельскія скопища и разсѣяли ихъ. Прошло два часа, а посланный не возвращался и командующій войсками объявилъ Назмуддину - ходжѣ, что идетъ впередъ; войска въ это время подтянулись и перестроились въ боевой порядокъ; обозъ началъ выходить изъ са-

довъ и строиться въ нѣсколько линій. Назмуддинъ-ходжа просилъ дать еще нѣсколько времени и выразилъ желаніе самому поѣхать на позицію и отодвинуть бухарскія войска; ему былъ данъ еще часъ съ тѣмъ, что если по истеченіи этого времени бухарцы не очистятъ высоту, то будетъ начата атака. Назначенное время прошло, но вмѣсто движенія назадъ, бухарцы открыли огонь изъ нѣсколькихъ орудій, расположенныхъ на долину и наши войска двинулись впередъ. Подъ частыми выстрѣлами непріятельской артиллеріи, осыпавшей штурмовыя колонны ядрами, угрожаемыя обходомъ массъ непріятеля съ обѣихъ фланговъ, войска смѣло и весело пошли въ атаку, по грудь въ водѣ перешли нѣсколько рукавовъ рѣки и безостановочно продолжали наступленіе. Переправясь черезъ Зарявшанъ, войска праваго фланга, пройдя съ возможной быстротою подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ около версты болотистаго пространства, перерѣзаннаго тѣпками и широкими канавами, достигли подошвы высотъ и штурмовали ихъ. Въ то-же время войска лѣваго фланга, пройдя двѣ версты по болотамъ, очистили отъ непріятеля сады и дома въ долину и устремились на правый флангъ расположенія бухарцевъ. Непріятель не выдержалъ дружнаго удара и бѣжалъ съ такой поспѣшностью, что утомленныя войска наши не могли его настигнуть. Преслѣдовать разбитаго непріятеля не было возможности за крайнимъ утомленіемъ войскъ отъ весьма трудныхъ передвиженій и быстрого наступленія по едва проходимой мѣстности, а потому, по занятіи высотъ, отрядъ расположился около нихъ бивакомъ на ночлегъ. Нашими трофѣями были 21 орудіе и весь непріятельскій лагерь. Во время боя наши войска потеряли 2 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными 3 офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ и контуженными 6 нижнихъ чиновъ.

Только по взятіи позиція бухарцевъ можно было судить о ея необыкновенной силѣ и о вѣроятныхъ намѣреніяхъ не-

пріятеля. Нѣсколько писемъ, полученныхъ генераломъ Кауфманомъ въ Яны-курганѣ, два посланника, одинъ за другимъ выѣзжавшихъ къ нему съ просьбами о мирѣ во время движенія отряда къ Самарканду,—все это имѣло цѣлью задержать наши войска какъ можно долѣе на Зарявшанѣ, объяснивъ это народу и войску какъ нашу слабость и тѣмъ поднять духъ своего войска, усилить его и съ полной увѣренностью въ своей необходимости встрѣтить русскія войска на рѣдкой по своей силѣ позиціи.

Разбитыя на Чупанѣ атынскихъ высотахъ бухарскія войска бросились — было въ городъ, но жители заперли ворота и не впустили ихъ, а на другой день, 2 мая, рано утромъ къ генералу Кауфману явилась изъ Самарканда депутація изъ представителей духовенства и почетнѣйшихъ жителей съ просьбою принять городъ подъ свое покровительство, а затѣмъ въ подданство Бѣлаго Царя. Оставивъ часть депутаціи при себѣ и отправивъ остальныхъ въ городъ объявить жителямъ, чтобы они отворили ворота и выслали для встрѣчи почетнѣйшихъ изъ своей среды лицъ, командующій войсками съ 9 ротами пѣхоты, четырьмя орудіями и казачьимъ конвоемъ двинулся къ городу; несмотря на темныя слухи объ измѣнѣ, духъ войскъ былъ таковъ, что въ случаѣ вѣроломства можно было вполне рассчитывать на дружныя и спокойныя ихъ дѣйствія, но слухи эти оказались ложными и все было исполнено какъ предполагалось. Жители впереди воротъ и на улицахъ привѣтливо и съ радостью встрѣчали наши войска. Именемъ Государя Императора генераль Кауфманъ объявилъ населенію, чтобы оно продолжало заниматься своими дѣлами, чтобы базары были открыты, а семейства жителей, скрытыя въ окрестностяхъ, возвратились въ городъ; вслѣдъ за тѣмъ цитадель города была занята нашими войсками. Такимъ образомъ, древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, центръ мусульманства, Самаркандъ, гордый своею историческою славой, палъ

къ стопамъ Русскаго Монарха.

Однако, надежда, что со взятіемъ Самарканда кампанія будетъ окончена и владѣтель Бухары, убѣдившись въ полной невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, приметъ предложенныя ему справедливыя условія мира, не оправдалась: несмотря на новое пораженіе своихъ войскъ и паденіе Самарканда, Сеидъ Музафаръ продолжалъ упорствовать, формировалъ новыя войска и побуждалъ жителей ближайшихъ Самарканду раіоновъ къ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ. Это вынудило главнаго начальника русскихъ войскъ, для окончательнаго водворенія спокойствія въ долину Зарявшана, занять два наиболее важные пункта въ этой области—города Ургутъ и Катта-курганъ. Ургутъ, расположенный въ 32 верстахъ къ юго востоку отъ Самарканда, не зависѣлъ отъ власти эмира и имѣлъ своихъ потомственныхъ бековъ, тѣмъ не менѣе жители его приняли участіе во враждебныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ, а по взятія Самарканда отказались изъяснить добровольную покорность; вслѣдствіе этого 11 мая изъ Самарканда къ Ургуту, былъ двинутъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Абрамова изъ 6 ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, батареи и ракетнаго дивизиона. 12 мая городъ былъ взятъ штурмомъ съ незначительными потерями съ нашей стороны, а 13 отрядъ возвратился въ Самаркандъ. Для владѣнія Катта-курганомъ былъ отправленъ отрядъ подъ начальствомъ генерал-майора Головачева, который 18 мая занялъ этотъ городъ безъ боя.

Прошло еще нѣсколько дней и генераломъ Кауфманомъ было получено донесеніе генерала Головачева изъ Катта-кургана о томъ, что 27 мая отрядъ его, расположенный лагеремъ внѣ города, имѣлъ дѣло съ появившимися въ виду этого города значительными скопищами непріятели, который на другой день вновь произвелъ нападеніе на нашъ лагерь.

Получивъ свѣдѣнія, что вблизи Катта-кургана собираются всѣ силы эмира,

генераль Кауфманъ 30 мая выступилъ изъ Самарканда съ отрядомъ изъ 10 ротъ пѣхоты, шести орудій и трехъ сотенъ казаковъ и усиленнымъ маршемъ двинулся къ Катта-кургану. По прибытіи къ этому городу отряду была дана дневка для необходимаго отдыха, а 2 іюня, присоединивъ къ себѣ катта-курганскій отрядъ, командующій войсками двинулся далѣе съ 18 ротами пѣхоты, 14 орудіями и 6 сотнями казаковъ. При самомъ выступленіи изъ Катта-кургана въ виду нашихъ войскъ появились массы бухарской кавалеріи, не вступавшей въ бой, но сопровождавшей отрядъ до самой позиціи главныхъ бухарскихъ силъ, расположенной на Зерабулакскихъ высотахъ, въ 12 верстахъ отъ Катта-кургана по дорогѣ въ Кермине. Высоты эти были заняты непріятельскою пѣхотой и конницей въ числѣ болѣе 20 тысячъ чело-вѣкъ при 14 орудіяхъ. Отрядъ перестроился въ боевой порядокъ и двумя колоннами двинулся на штурмъ непріятельской позиціи, причемъ наши орудія, подѣвжая на самый близкій выстрѣлъ, осыпали непріятели картечью и производили въ его рядахъ сильное опустошеніе; орудійный огонь съ гребня высотъ не причинялъ нашимъ войскамъ никакого вреда; когда же на высоты была двинута колонна полковника Абрамова, непріятель успѣшно убралъ свою артиллерію, которая вскорѣ скрылась изъ вида; пѣхота послѣ нѣкотораго сопротивленія была также обращена въ бѣгство и, преслѣдуемая нашими войсками, бросилась въ степь по направленію къ Кермине. Потери бухарцевъ были громадны и разгромъ ихъ войскъ былъ полный; наши потери въ этомъ дѣлѣ состояли изъ 37 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Произведенная на другой день, 3 іюня, рекогносцировка показала, что нигдѣ въ окрестностяхъ нѣтъ непріятели, который разбѣжался въ разныя стороны.

Между тѣмъ бекъ города Шахрисябса Джура-бій, собравъ до 25 тысячъ войска и присоединивъ къ себѣ возставшія горныя племена, двинулся къ Самарканду

съ намѣреніемъ истребить оставленный тамъ незначительный гарнизонъ и, овладѣвъ городомъ, ударить въ тылъ нашему дѣйствующему отряду; къ скопищамъ бека присоединились жители Самарканда. Положеніе нашего гарнизона, занимавшаго цитадель, было чрезвычайно тяжелое, почти отчаянное, такъ какъ число войскъ далеко не соответствовало линіи оборонительной линіи, между тѣмъ какъ цитадель была обложена массами непріятели, производившаго почти непрерывныя рѣшительныя нападенія съ цѣлью въ томъ или другомъ мѣстѣ ворваться въ цитадель. Но геройскій, хотя и малочисленный гарнизонъ, выдержалъ всѣ нападенія въ теченіе семи дней, неся ежедневно значительныя потери въ людяхъ и подъ конецъ осады испытывая даже недостатокъ въ боевыхъ припасахъ.

Послѣ разбитія бухарскихъ войскъ на Зерабулакскихъ высотахъ генераль Кауфманъ, обезпокоенный неполученіемъ никакихъ извѣстій изъ Самарканда и въ виду слуховъ о занятіи этого города Джура-биемъ, о возстаніи жителей и объ осадѣ гарнизона, 5 іюня возвратился въ Катта-курганъ и, оставивъ тамъ часть войскъ, продолжалъ движеніе къ Самарканду. На пути было получено донесеніе коменданта Самарканда маіора Штемцеля о стѣсненномъ положеніи гарнизона, уже нѣсколько дней находившагося въ осадѣ и отбившаго нѣсколько штурмовъ непріятельскихъ войскъ; это было седьмое донесеніе—первыя шесть были перехвачены; отрядъ безостановочно продолжалъ движеніе. По всему пути отъ Катта-кургана до Самарканда почти не было видно жителей, такъ какъ все населеніе было въ полномъ возстаніи и собралось въ Самаркандъ, гдѣ, соединившись съ Джура-биемъ и жителями города, осаждали русскій гарнизонъ. Получивъ извѣстіе о возвращеніи генерала Кауфмана къ Самарканду, Джура-бій со своими войсками оставилъ городъ и ушелъ въ Шахрисябсъ, но жители города продолжали осаждать цитадель. Главный отрядъ при былъ къ Самарканду 8 іюня и послѣ не-

значительной перестрѣлки въ садахъ и на улицахъ города цитадель, послѣ семи-дневной осады, была освобождена.

Осадою самаркандской цитадели и вторичнымъ взятіемъ этого города закончились военныя дѣйствія 1868 года. Эмиръ убѣдился, наконецъ, въ полной невозможности дальнѣйшей борьбы и съ нимъ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому гордый и самонадѣянный владѣтель Бухары признавалъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссийскаго.

Къ вопросу о реорганизаціи Ташкентской городской полиціи.

Въ концѣ минувшаго года Ташкентской городской думой было возбуждено ходатайство объ отнесеніи на средства казны, хотя бы лѣтъ на десять, расходовъ по содержанію городской полиціи, такъ какъ въ настоящее время городъ, будучи крайне обремененъ разнаго рода обыкновенными текущими расходами, не въ силахъ нести такой крупный расходъ, какъ содержаніе полиціи, особенно въ виду предполагаемаго увеличенія ея штата, безъ ущерба для городского благоустройства, также требующаго значительныхъ расходовъ. Ходатайство это было передано на разсмотрѣніе совѣта Генералъ-Губернатора, который призналъ необходимымъ образовать изъ своего состава особую комиссію подъ предсѣдательствомъ и. д. военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области для обсужденія вопроса о реорганизаціи полиціи въ г. Ташкентѣ и о томъ, на какія средства и на какихъ условіяхъ должны производиться расходы, вызываемые новымъ штатомъ полицейскихъ чиновъ и устройствомъ сыскной части. Комиссія, приступая къ выполненію возложенной на нее задачи, нашла необходимымъ прежде всего ознакомиться съ состояніемъ городского бюджета, чтобы имѣть возможность судить о томъ, дѣйствительно ли средства города Ташкента на столько слабы, что онъ не въ состояніи выдержать расходовъ,

вызываемыхъ учрежденіемъ новаго усиленнаго штата городской полиціи и сыскной части.

Подробное и всестороннее разсмотрѣніе смѣтъ городскихъ доходовъ и расходовъ за нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ привело комиссію къ заключенію, что финансовое положеніе города дѣйствительно вызываетъ значительныя затрудненія городского управленія въ выполненіи смѣтныхъ расходовъ, даже при наличіи довольно крупныхъ дефицитовъ, что и вынуждаетъ городское управленіе ходатайствовать о временной помощи со стороны правительства. Помощь эта, по мнѣнію комиссіи, была бы желательна и могла бы выразиться, между прочимъ, путемъ принятія на счетъ казны полностью расходовъ по содержанію городской полиціи хотя бы на пять лѣтъ. По вопросу же объ организаціи городской полиціи членами комиссіи было высказано нѣсколько мнѣній, причемъ признано было безусловно необходимымъ увеличеніе полиціи и наилучшее обезпеченіе полицейскихъ чиновъ, а также былъ выработанъ проектъ штата городского полицейскаго управленія.

Подробный мотивированный докладъ комиссіи, съ ея заключеніями, былъ представленъ въ совѣтъ Генералъ-Губернатора, который, разсмотрѣвъ этотъ докладъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. 1) Ташкентское городское общественное управленіе, вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ, находится въ настоящее время въ крайне стѣснительныхъ денежныхъ условіяхъ, выражающихся въ томъ, что ежегодные обыкновенные расходы далеко превышаютъ ежегодныя поступленія обыкновенныхъ доходовъ, почему за послѣднее время смѣты сводятся съ дефицитомъ, достигающимъ суммы нѣсколько болѣе 100 тысячъ рублей; 2) эти ненормальныя условія крайне неблагоприятно отзываются на благоустройствѣ города Ташкента и могутъ быть устранены лишь путемъ увеличенія доходныхъ статей въ городѣ, для чего потребуется цѣлый рядъ

ВОСПОМИНАНІЯ УЧАСТНИКА О СОБЫТІЯХЪ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ ЗА МАЙ И ІЮНЬ 1868 Г.

Въ настоящемъ году, въ дни 1-го мая и 2-го іюня исполнилось 35-лѣтіе довольно знаменательныхъ событій въ исторіи нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи: взятія туркестанскими войсками, подъ начальствомъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, Самаркандскихъ, или иначе Чапанъ-Атинскихъ, высотъ, съ послѣдовавшею затѣмъ сдачею намъ города Самарканда и пораженія бухарской арміи на Зерабулакскихъ высотахъ.

Того-же 2-го іюня минуло 35 лѣтъ, какъ началась оборона самаркандской цитадели отъ шахри-сябцевъ и возмущившихся жителей г. Самарканда и его окрестностей, длившаяся со 2-го по 8-е іюня и стоившая намъ почти четвертой части гарнизона.

Воспоминаніями объ этомъ короткомъ времени я и хочу подѣлиться съ читателями.

Ночь съ 30-го апрѣля на 1-е мая 1868 года отрядъ нашъ провелъ на бивакѣ у Ташъ-Купрюка (каменный мостъ верстахъ въ 40 отъ Самарканда), принявъ все мѣры предосторожности, такъ какъ допускалась возможность ночного нападенія на отрядъ. Утромъ поднялись рано. Я въ этотъ день былъ дежурнымъ по отряду и потому почти половину времени находился при штабѣ отряда.

Около 11 часовъ къ генералу Кауфману прибылъ парламентеръ, бывшій бухарскій посолъ въ Петербургѣ въ 1859 году, Неземудинъ-Ходжа и объявилъ, что привезъ условія мира. Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отвѣтилъ, что войдетъ въ переговоры тогда, когда станетъ на ночлегъ. Пройдя какой-то кишлакъ съ садами, вышли на поляну, прорѣзаемую нѣсколькими протоками очень быстрой рѣчки Зеравшанъ, за нею на высотахъ виднѣлись толпы бухарскихъ войскъ. Генераль Кауфманъ объявилъ, что не можетъ остановиться на ночлегъ въ виду непріятеля и если посолъ не желаетъ кровопролитія, то пусть распорядится убрать войска. Это было въ 12 часовъ; посолъ отправилъ одного изъ своей свиты въ Самаркандъ, до котораго было 8 верстъ. Прошло два часа, а посланный не воз-

вращался. Неземуддинъ-Ходжа просилъ еще обождать и затѣмъ поѣхалъ самъ, но, вмѣсто отвѣта, съ высотъ былъ открытъ огонь. Тогда генералъ Кауфманъ приказалъ генералу Головачеву прогнать бухарцевъ съ высотъ. Началась переправа черезъ рѣчку Зеравшанъ въ бродъ; мѣстами вода доходила до пояса и тамъ люди раздѣвались и переносили одежду и вооруженіе въ рукахъ, а гдѣ было мельче, тамъ только снимали сапоги. При переправѣ одинъ зарядный ящикъ попалъ колесомъ на подводный камень и опрокинулся, причемъ двѣ лошади потонули.

Въ цѣпь были высланы двѣ стрѣлковыя роты 5-го и 9-го баталіоновъ; за ними стали остальные роты тѣхъ-же баталіоновъ и другія войска; всего въ отрядѣ было $23\frac{1}{2}$ роты пѣхоты (въ томъ числѣ полурота саперъ), 4 сотни казаковъ, 16 орудій и ракетный дивизионъ. Изъ нихъ 6-й Туркестанскій линейный баталіонъ, въ которомъ я состоялъ младшимъ штабъ-офицеромъ, два батарейныхъ орудія и $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ прикрывали обозъ и составляли аріергардъ.

Черезъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго стрѣлки и артилерія обстрѣливали высоты, цѣпь была двинута впередъ, а за нею пошли и ротныя колонны. Бухарцы очистили высоты.

Ряды повозовъ обоза и верблюдовъ составляли колонну, прикрытую со всѣхъ сторонъ ротами 6-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, стоявшими развернутымъ строемъ, съ разомкнутыми рядами, лицомъ въ поле; кругомъ обоза рыскали толпы конныхъ барантачей, т. е. жителей окрестныхъ кишлаковъ, частью съ оружіемъ, частью съ батиками (1). Они выжидали результатовъ боя, въ надеждѣ чѣмъ либо поживиться; нѣкоторые изъ нихъ стрѣляли, но безъ всякаго для насъ вреда. Ихъ сдерживали въ нѣкоторомъ отдаленіи, и ближе 800—1,000 шаговъ не подпускали, открывая по нимъ рѣдкій огонь, какъ только замѣчалось движеніе ихъ въ нашу сторону. Наконецъ, тронулся и обозъ. Тутъ выяснилась причина, почему барантачи все принимали въ правую сторону: вправо, за протокомъ, аріергардъ

(1) Небольшая палка съ шишкою, похожею на ананасъ, на концѣ.

увидѣлъ двѣ огромныя пирамиды солдатскихъ мѣшковъ, замѣнявшихъ ранцы. Оказалось, что начальство, для облегченія людей, штурмовавшихъ высоты, разрѣшило снять мѣшки и сложить въ кучи. Войска пошли впередъ, а мѣшки остались.

Находка эта была неприятнымъ сюрпризомъ для арьергарда: не бросать-же солдатскаго имущества! Обозъ пріостановился и мѣшки, благодаря бывшей при арьергардѣ полусотнѣ казаковъ, постепенно доставлены въ обозъ и кое-какъ размѣщены по повозкамъ и безъ того достаточно нагруженнымъ. Барантаци смотрѣли на уборку мѣшковъ съ грустью. Пока убирали и раскладывали мѣшки, прискакали два или три казака за повозками генераловъ: четыре или пять повозокъ отдѣлились и рысью уѣхали впередъ. Тѣмъ временемъ обозъ вытянулся на дорогу, проходившую мимо высоты, которую штурмовали наши войска. Я поднялся на нее и увидѣлъ тамъ нѣсколько мѣдныхъ пушекъ на англійскихъ лафетахъ; лежало и нѣсколько бухарскихъ тѣлъ, передковъ-же при орудіяхъ не было. На другой-же день, по сборѣ орудій, оказалось, что бухарцы бросили 21 орудіе. У насъ убито въ этомъ дѣлѣ нижнихъ чиновъ—2 (одинъ изъ нихъ юнкеръ Новаковскій), ранено: оберъ-офицеровъ 3, изъ нихъ поручикъ стрѣлковаго баталіона Губинъ тяжело, 9-го баталіона подпоручикъ Покровскій и 5-го баталіона подпоручикъ Сырохватовъ—легко; нижнихъ чиновъ 28; контужены: лекаръ Честнѣйшій-Барышевскій и 6 нижнихъ чиновъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда обозъ, безпрестанно останавливаясь, приблизился по дорогѣ къ Самарканду. Послѣдовала новая остановка; проходитъ минута за минутой, а обозъ не трогается. Проѣхать впередъ и узнать причину остановки нѣтъ никакой возможности: дорога загромождена повозками и темень. Наконецъ, спустя продолжительное время выясняется, что въ какихъ-то воротахъ сломалась арба. Такъ и простояли всю ночь на дорогѣ, въ ожиданіи разсвѣта.

Утромъ обозъ, пройдя г. Самаркандъ, расположился лагеремъ по другую сторону города.

12-го мая отрядъ изъ 6 ротъ пѣхоты, 2-хъ сотень казаковъ, ракетнаго дивизіона и конно-облегченной батареи, подъ начальствомъ полковника

Абрамова, послѣ упорнаго трехчасоваго боя взяли г. Ургуть, лежащій въ 32 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Самарканда. 13-го мая этотъ отрядъ возвратился въ Самаркандъ, а 14-го числа сюда явились представители Ургута съ изъявленіемъ покорности.

16-го мая генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ послалъ отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области генераль-маіора Головачева, занять одинъ изъ важнѣйшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ Бухары—г. Катта-Курганъ, лежащій въ 65 верстахъ отъ Самарканда, по дорогѣ къ г. Бухарѣ. Городъ былъ занятъ довольно значительнымъ отрядомъ подъ начальствомъ Омаръ-бека. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 14 ротъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и 8 орудій. Переночевавъ верстахъ въ 15 отъ Катта-Кургана, мы 17-го утромъ подошли къ городу и построились для атаки. Въ эту минуту представители мирныхъ жителей явились къ генераль-маіору Головачеву съ изъявленіемъ полной покорности. Оказалось, что при нашемъ приближеніи къ городу Омаръ-бекъ бѣжалъ. Три роты заняли цитадель, а остальные войска стали лагеремъ возлѣ города. Тутъ протекала рѣчка, кажется, одинъ изъ протоковъ Зеравшана, мѣстами разливавшаяся и мелкая, мѣстами узкая и довольно глубокая.

19-го мая я былъ командированъ изъ Катта-Курганскаго лагеря съ отрядомъ изъ 2-хъ стрѣлковыхъ ротъ, сотни казаковъ, 2-хъ ракетныхъ станковъ и командою джигитовъ по дорогѣ на Самаркандъ, для встрѣчи ожидавшагося 20-го числа въ Катта-Курганъ генераль-губернатора фонъ-Кауфмана. Выступивъ изъ лагеря въ 10 часовъ утра, я, согласно даннаго мнѣ генераль-маіоромъ Головачевымъ приказанія, отправилъ 6-ю Оренбургскую сотню съ двумя ракетными станками и командою джигитовъ впередъ, а двѣ стрѣлковыя роты повелъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ.

Отойдя версть 15—18 и сдѣлавъ 1¹/₂ часовой привалъ въ кишлакѣ «Чурча», пошелъ далѣе. Прошли съ версту. Въ сторонѣ отъ дороги, на одномъ изъ бархановъ (холмовъ) замѣченъ сидящій человекъ. Не видя кругомъ ни скота, ни жилья, и находя подозрительнымъ присутствіе одиночнаго человека, я поручилъ командовавшему стрѣлковою

ротою прапорщику Мамину, хорошо знавшему татарскій языкъ, съѣздить съ бывшими при мнѣ четырьмя казаками и узнать, что это за человѣкъ. Прапорщикъ Маминъ, возвратившись, доложилъ, что этотъ человѣкъ ищетъ процавшихъ двухъ быковъ и, что за барханомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ходятъ и ѣздятъ тоже одиночные люди, вѣроятно, съ тою-же цѣлю, и должно быть пастухи, такъ какъ въ рукахъ у нихъ палки.

Слѣдуя далѣе, я увидѣлъ, что на поляхъ число одиночныхъ людей довольно значительно и почти всѣ верхами; большинство изъ нихъ съ палками, меньшинство—съ оружіемъ. На полѣ стали слышаться какіе-то крики. Чѣмъ далѣе отрядъ двигался, тѣмъ число разсыпанныхъ по полю пѣшихъ и конныхъ людей становилось больше. Я опять поручилъ прапорщику Мамину съѣздить съ казаками къ ближайшимъ и спросить, что за причина сборища; но гарповавшіе, не подпуская близко къ себѣ прапорщика Мамина, кричали ему: «вотъ погодите, что вамъ будетъ еще впереди». Вскорѣ послѣ того стали раздаваться выстрѣлы; нѣсколько пуль прожужжало надъ колонною.

Увидѣвъ, что шайки имѣютъ серьезное намѣреніе напасть на мой отрядъ, я приблизилъ авангардъ и аріергардъ къ колоннѣ, рассыпалъ ихъ цѣпью и выслалъ по одному отдѣленію въ боковыя цѣпи, приказавъ цѣпямъ не подпускать шаякъ къ отряду ближе 600 шаговъ. Стали показываться конныя шайки со значками; при приближеніи ихъ цѣпь открывала рѣдкій огонь: въ шайкахъ сталъ замѣчаться уронъ; онѣ подавались назадъ, но черезъ нѣсколько минутъ болѣе храбрые люди вновь направлялись къ колоннѣ, сзывая остальныхъ криками. Между тѣмъ мой отрядъ подходилъ уже къ мѣсту, указанному мнѣ для ночлега, гдѣ я предполагалъ найти казачью сотню и ракетную команду, которыхъ намѣревался отправить отсюда далѣе до кишлака Кара-Су. Не найдя здѣсь этого отряда, бывшаго подъ начальствомъ есаула Бороздны, я заключилъ, что, вѣроятно, шайки беспокоили и его отрядъ, и что онъ, имѣя въ виду небезопасность дороги, рѣшился, не дожидаясь меня, идти далѣе навстрѣчу генераль-губернатору.

Желая въ свою очередь поддержать есаула Бо-

роздну, въ случаѣ чего-либо рѣшительнаго со стороны шаякѣ, я, сдѣлавъ $\frac{1}{4}$ часовой привалъ, двинулся далѣе, чтобы ночевать въ кишлакѣ Кара-Су, гдѣ предполагалъ встрѣтить на ночлегѣ и генераль-губернатора. Шайки попережнему разъѣзжали со всѣхъ сторонъ, но, не подпускаемыя близко, дѣлали выстрѣлы издалека и, обгоняя отрядъ, направлялись къ сторонѣ кишлака Кара-Су; на многихъ лошадяхъ сидѣло по двое.

Подходя къ кишлаку Кара-Су, я увидѣлъ, что онъ занятъ толпою съ тѣми-же значками, какіе встрѣчались на пути. Кишлакъ Кара-Су расположенъ у рѣчки и дорога къ нему, шаговъ за триста, начинается спускаться. Приостановивъ на этомъ мѣстѣ роты и маленькій обозъ, усиливъ передовую и убравъ боковыя цѣпи, я приказалъ открыть огонь; изъ кишлака стали отвѣчать. Послѣ нѣсколькихъ минутъ стрѣльбы, шайка бросила кишлакъ и поскакала въ разныя стороны. Я двинулъ цѣпь впередъ; за нею двинулся и маленькій резервъ. Когда цѣпь прошла кишлакъ, я ввелъ въ него роты, приказалъ готовить пищу и занялся исправленіемъ разобраннаго мятежниками моста черезъ рѣчку. Мятежники съ такою быстротою очистили кишлакъ, что даже не захватили двухъ труповъ; у насъ потерь не было.

Ночью съ пикета приведены ко мнѣ джигиты, везшіе пакеты въ Самаркандъ, а въ числѣ ихъ и пакетъ на мое имя, изъ котораго я узналъ, что генераль-губернаторъ отложилъ свою поѣздку до слѣдующаго дня. Джигиты представили мнѣ захваченнаго ими по пути сарта Арыпъ-Ходжу, изъ кишлака «Кааны». Изъ отобраннаго отъ него черезъ прапорщика Мамина показанія выяснилось, что въ нападеніи на мой отрядъ участвовали жители двѣнадцати кишлаковъ и что главнымъ распорядителемъ при нападеніяхъ былъ Габдуразакъ-Мирахуръ изъ кишлака «Сригале». Поводомъ къ нападенію былъ слухъ, что русскіе разбиты подъ Катта-Курганомъ и вслѣдствіе сего уходятъ назадъ въ Самарканду. Обружить 6-ю Оренбургскую сотню съ ракетною командою они не успѣли.

Утромъ 20-го мая опять стали показываться шайки со значками, но къ 11 часамъ скрылись; въ 5 часовъ пополудни прибылъ въ кишлакъ Кара-Су

генераль-адъютантъ Кауфманъ, которому я и представилъ отобранное отъ сарта Арыпъ-Ходжи показаніе, гдѣ были переименованы всѣ 12 кишлаковъ. Присоединившись къ отряду генерала ф.-Кауфмана, я перешелъ на ночлегъ въ кишлакъ Чимбай, а 21-го мая возвратился въ Катта-Курганъ.

Генераль-губернаторъ, принявъ въ Катта-Курганѣ бухарскихъ пословъ, привезшихъ ему условія мирнаго договора, 24-го мая возвратился въ Самаркандъ. Въ сопровождавшемъ его отрядѣ возвратился въ Самаркандъ и я.

Между тѣмъ спокойствіе около Катта-Кургана не устанавливалось, какъ видно изъ слѣдующихъ донесеній:

Отъ 27-го мая 1868 года за № 167, командующій войсками округа доноситъ военному министру, что 23-го мая въ полдень, 300 человекъ изъ шайки Садыка, возвращавшіеся изъ Нурата и проходившіе невдалекѣ отъ Катта-Кургана, бросились на пасшійся впереди нашего лагеря шарикитабскій скотъ и отогнали нѣсколько верблюдовъ. По тревогѣ съ пикетовъ бросилась дежурная № 10 Оренбургская сотня, а за нею № 6 Оренбургская. Скотъ отбитъ; у насъ ранено 4 человека холоднымъ оружіемъ.

Отъ 28-го мая 1868 года за № 243, командующій войсками Сыръ-Дарьинской области, генераль-майоръ Головачевъ, доноситъ командующему войсками округа, что 27-го мая, въ 7 часовъ утра, значительныя массы непріятеля начали подходить къ лагерю подъ Катта-Курганомъ, съ цѣлью занять сады лѣвѣе лагеря. Непріятель отбитъ, потерь у насъ не было. По послѣднимъ извѣстіямъ бухарскія войска собираются на Зерабулакѣ.

Въ слѣдующемъ рапортѣ, отъ 30-го мая за № 244, генераль-майоръ Головачевъ доноситъ: утромъ 29-го мая опять со стороны непріятеля произведено нападеніе, но отбито; съ нашей стороны потеря 8 человекъ: изъ нихъ 2 убито, 3 тяжело ранено и 3 легко.

Рапортъ этотъ генераль-губернаторъ получилъ уже на пути къ Катта-Кургану, куда онъ выступилъ 30-го мая, оставивъ въ г. Самаркандѣ 6-й Туркестанскій линейный баталіонъ, два батареи-

ныхъ орудія и двѣ полупудовыя мортиры, а также саперную роту.

Передъ выступленіемъ генерала Кауфмана изъ г. Самарканда, не помню хорошо, 28-го или 29-го мая, часовъ въ 7 вечера, я былъ посланъ съ одною или двумя ротами и 6-ю арбами подъ раненыхъ, навстрѣчу полковнику Абрамову, возвращавшемуся изъ подъ Шахрисябзи, гдѣ онъ производилъ рекогносцировку. Прошелъ слухъ, что въ его отрядѣ много раненыхъ; но едва я вышелъ изъ Ходжа-Арарскихъ воротъ, какъ увидѣлъ возвращавшійся отрядъ, и слухъ о числѣ раненыхъ оказался сильно преувеличеннымъ. Я упоминаю объ этомъ незначительномъ обстоятельстве потому, что черезъ день послѣ ухода генерала Кауфмана, шахрисябцы были уже подъ Самаркандомъ, какъ увидимъ ниже.

2-го іюня послѣдовало сраженіе на Зерабулакскихъ высотахъ. Вотъ извлеченіе изъ рапорта командовавшаго войсками округа военному министру отъ 12-го іюня 1868 года за № 215.

«Изъ Самарканда выступилъ 30-го мая, въ Катта-Курганѣ 31-го мая, дневка, 2-го іюня сраженіе. Правую колонною Пистолькорсъ, лѣвою Абрамовъ; всѣми войсками—Головачевъ. Непрiятельскими войсками командовали: Ходжа (турокъ) и Османъ (бѣглый сибирскій казакъ-ренегатъ); оба успѣли бѣжать. 3-го іюня рекогносцировка къ сторонѣ отступленія непрiятеля, 4-го дневка и 5-го числа изъ Казы-кишлака (въ 16-ти верстахъ отъ Катта-Кургана) въ Катта-Курганъ. Оставивъ въ цитадели Катта-Кургана четыре роты 5-го баталіона подъ начальствомъ маіора Гриппенберга, продолжалъ движеніе къ Самарканду. На пути получилъ извѣстіе отъ маіора Штемпеля (сѣдмое, шесть перехвачены). На Зерабулакскихъ высотахъ ранено у насъ 37 нижнихъ чиновъ, изъ нихъ половина легко. Непрiятель имѣлъ 6 тысячъ пѣхоты, 14 легкихъ орудій и до 15 тысячъ конницы. Мы подобрали одно изъ брешенныхъ орудій».

Теперь посмотримъ, что происходило съ 30-го мая въ г. Самаркандѣ, послѣ выступленія отряда генерала Кауфмана противъ войскъ эмира.

Въ г. Самаркандѣ была цитадель, линія огня которой (окружность) равнялась 2½ верстамъ. Въ стѣнахъ цитадели двое воротъ: Бухарскія и Самаркандскія, и нѣсколько обвалившихся мѣстъ. Кромѣ

гарнизона, въ цитадели оставались: слабые 5-го и 9-го баталіоновъ и около десятка казаковъ, наполовину безлошадныхъ; затѣмъ имѣлись: артилерійскій паркъ, лазаретъ и провіантскій складъ. Всего, какъ значится въ донесеніи и. д. коменданта, было 658 штыковъ, считая въ томъ числѣ всѣхъ нестроевыхъ и слабыхъ, способныхъ носить ружье, и 94 артилериста (батарейнаго взвода и артилерійскаго парка).

Сверхъ офицеровъ, входившихъ въ составъ гарнизона, въ цитадели оставались: командиръ 9-го баталіона подполковникъ Назаровъ, за болѣзнію; завѣдывающій туземнымъ населеніемъ войсковою старшина Сѣровъ, инженеръ штабсъ-капитанъ Богаевскій, завѣдывающій провіантскимъ складомъ чиновникъ Ивановъ, медики: Свіяжскій и Семеновъ и путешественникъ—отставной прапорщикъ Верещагинъ (художникъ); затѣмъ было 4 — 6 купцовъ и ихъ приказчиковъ и при войсковомъ старшинѣ Сѣровѣ небольшая команда джигитовъ и нѣсколько нанятыхъ по-мѣсячно арбакешей. Всѣ эти лица, кто со вѣтомъ, кто дѣломъ, участвовали въ оборонѣ цитадели.

Вечеромъ 1-го іюня, часовъ около 8, исправлявшій должность коменданта, онъ же и командиръ 6-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, маіоръ баронъ фонъ-Штемпель, призвавъ меня, сказалъ: «аксакалы заявляютъ, что шайка шахрисябцевъ требуетъ, чтобы отворили Ходжи-Арарскія ворота; возьмите роту и пугните ихъ хорошенько». Я взялъ роту и пошелъ. Прихожу къ Ходжи-Арарскимъ воротамъ и вижу, что ворота отворены, какъ обыкновенно, и чрезъ нихъ входятъ и выходятъ одиночные жители. Спрашиваю ихъ черезъ переводчика о шайкѣ; никто ничего не слыхалъ. Объ оказавшемся я послалъ маіору Штемпелю записку, въ которой испрашивалъ разрѣшенія дойти съ ротою до кишлака, окруженнаго садами и расположеннаго въ разстояніи около 1½ верстъ отъ города. Въ отвѣтъ получилъ приказаніе воротиться.

Позднимъ вечеромъ 1-го іюня замѣчены на Чапанъ-Атинскихъ высотахъ значительныя партіи конныхъ и пѣшихъ китай-кипчаковъ, кара-калпаковъ и жителей окрестныхъ кишлаковъ.

2-го іюня, въ 6 часовъ утра, я былъ разбуженъ разговоромъ солдатъ, помѣщавшихся вблизи, и узналъ,

что командиръ баталіона съ двумя ротами и двумя орудіями куда-то ушелъ. Отъ войскового старшины Сѣрова я узналъ, что ночью опять приходили аксакалы съ жалобами на шахрисябцевъ и что маіоръ фонъ-Штемпель пошелъ въ «сады», но никакихъ приказаній мнѣ не оставилъ.

Не прошло послѣ нашего разговора и четверти часа, какъ со стороны Бухарскихъ воротъ раздался бой тревоги. Оставшіяся въ цитадели роты выстроились. Явился маіоръ баронъ фонъ-Штемпель, сильно взволнованный, и сталъ отдавать торопливыя приказанія. Мнѣ приказалъ ѣхать къ Бухарскимъ воротамъ. Я поскакалъ. Ворота оказались запертыми и при нихъ 40 человекъ солдатъ; изъ нихъ нѣкоторые были на площадкѣ надъ воротами и вели уже перестрѣлку. Поздоровавшись съ людьми и сойдя съ лошади, я поднялся на площадку, куда вели ступени въ толщѣ стѣны. Въ разстояніи 25—30 шаговъ отъ воротъ и цитадельной стѣны начинались съ одной стороны сакли, а съ другой — выходили на эспланаду заднія стѣны городскихъ домовъ, образывавшія сплошную заборъ; улица, ведущая отъ Бухарскихъ воротъ къ Хаджи-Арарскимъ (городскимъ) черезъ нѣсколько шаговъ загибалась, такъ что дальше ничего не было видно. Въ городѣ и на улицѣ слышны были какіе-то крики, трубные звуки и барабанный бой; вооруженные люди перебѣгали изъ улицы черезъ маленькую эспланаду къ сторонѣ сакель; по нимъ стрѣляли.

Вскорѣ показалась изъ улицы толпа, съ криками двинувшаяся къ воротамъ, но встрѣченная бѣглымъ огнемъ отступила. Однако, нѣсколько человекъ изъ толпы успѣли подбѣжать къ самой стѣнѣ и у подножія ея укрылись отъ нашихъ выстрѣловъ; другіе нѣсколько человекъ добѣжали до сакель и скрылись въ нихъ. Между нашими стрѣлками началась убыль, въ особенности тамъ, гдѣ зубчатая стѣнка отсутствовала, а прикрыться было нечѣмъ, да и некогда, такъ какъ крики не переставали и съ минуты на минуту ожидали штурма.

Съ площадки было видно, какъ такія же толпы, изъ другой части города, направлялись къ сосѣднему пункту обороны; тогда стрѣльба обращалась въ ту сторону.

Попытки противъ Бухарскихъ воротъ повторялись нѣсколько разъ и все съ такими-же резуль-

татами, т. е. толпа отхлынетъ, а нѣсколько человекъ болѣе храбрыхъ добѣгутъ до стѣны или сакель. Спустя нѣкоторое время къ воротамъ прибыло орудіе и явился навѣрхъ артиллеристъ съ ручными гранатами; пришло и нѣсколько человекъ въ подкрѣпленіе. Орудіе при мнѣ не стрѣляло, такъ какъ ворота были заперты, но стояло заряженнымъ на случай, если-бы непріятель ворвался. Нѣсколько ручныхъ гранатъ было брошено за стѣну, но произвели-ли онѣ тамъ полезное для насъ дѣйствіе—не знаю. Убыль въ людяхъ у насъ продолжалась и я произвелъ перестановку стрѣлковъ, убравъ ихъ съ открытаго мѣста, хотя они и стрѣляли тутъ лежа.

Около часа пополудни прибыли къ воротамъ и поднялись ко мнѣ на площадку инженеръ штабсъ-капитанъ Богаевскій, отставной прапорщикъ Верещагинъ и, кажется, капитанъ артилеріи Михневичъ. Разговаривая съ ними, я вдругъ почувствовалъ, что по лѣвому бедру точно хлестнули меня тоненькимъ бнудикомъ; я машинально схватился рукою за бокъ, а черезъ полминуты чувствую, что бѣлье на бедрѣ мокро. Пришлось идти показаться доктору, чтобы остановить кровотеченіе. Разговаривавшіе со мною хотѣли помочь мнѣ спуститься съ лѣстницы, но я самъ сошелъ безъ затрудненій. Передавъ командованіе людьми прапорщику Аничкову, я отправился къ доктору, сопровождаемый съ лѣвой стороны В. В. Верещагинымъ, любезно предлагавшимъ опираться на него, а съ правой—казакомъ. Идти надо было около полуверсты. Чѣмъ далѣе шли, тѣмъ идти становилось труднѣе и мнѣ приходилось все болѣе и болѣе опираться на плечо казака. Докторъ, прозондировавъ сквозную рану, предупредилъ меня, что у меня будетъ лихорадка и посоветовалъ выпить коньяку и уснуть. Непріятно было покидать свой постъ; но невозможность двигаться заставила подчиниться рѣшенію доктора.

Странная вещь: до этого дня мнѣ приходилось бывать подъ выстрѣлами непріятеля, но никогда и въ голову не приходило мысли ни о какой опасности, а въ этотъ день, поднявшись на площадку у воротъ, я вспомнилъ о бывшемъ въ карманѣ бумажникѣ и у меня мелькнула мысль: не передать-ли его кому-нибудь на всякій случай. Мысль эту я тотчасъ отогналъ и забылъ и о ней, и о бумажникѣ, а черезъ нѣсколько часовъ былъ раненъ.

Вотъ и не вѣрь въ предчувствія! До меня убыло изъ моей команды убитыми и ранеными 17 человекъ, а я былъ 18-мъ.

Послѣ того какъ я былъ раненъ, непріятель нѣсколько разъ продолжалъ дѣлать попытки штурмовать ворота, но каждый разъ безуспѣшно; къ вечеру собравшимся подъ воротами удалось ихъ зажечь. Вечеромъ, и. д. коменданта баронъ фонъ-Штемпель, видя, что всѣ главныя силы непріятели обращены на Бухарскія ворота, и желая воспользоваться боевою опытностью подполковника Назарова, добровольно принявшаго на себя начальство надъ слабыми своего баталіона, защищавшими вмѣстѣ съ саперами проломъ лѣвѣе Бухарскихъ воротъ, перевелъ его съ саперами и слабыми 9-го баталіона къ Бухарскимъ воротамъ, а войска, защищавшія ворота—къ пролому. По прибытіи подполковника Назарова ворота уже горѣли. Непріятель готовился къ новому штурму. Выстрѣлъ изъ нашего орудія окончательно разрушилъ ворота; тогда саперные офицеры подпоручики Черкасовъ и Воронежъ устроили для орудія, подъ огнемъ непріятели, завалъ изъ мѣшковъ съ землею. Цѣлую ночь продолжалась перестрѣлка.

На всѣхъ другихъ пунктахъ обороны въ теченіе этого дня происходило почти тоже самое, что и у Бухарскихъ воротъ. Самаркандскія ворота тоже были зажжены непріятеlemъ, но солдаты быстро потушили ихъ. На кладбищѣ, у мулушки, гдѣ, какъ видно изъ донесенія и. д. коменданта, были наскоро насыпаны два барбета, во время отбитія приступовъ убиты: подпоручикъ Лепехинъ и интендантскій чиновникъ Ивановъ, а прапорщикъ Адрацкій раненъ; тутъ-же раненъ и купеческій приказчикъ Самаринъ, участвовавшій съ нижними чинами въ оборонѣ. Мѣстами непріятель врывался, былъ выбиваемъ.

Потеря гарнизона за этотъ день была слѣдующая: убиты одинъ оберъ-офицеръ, 1 чиновникъ и 9 нижнихъ чиновъ; раненыхъ, считая съ офицерами—58, а всего 80 человекъ.

Ночью со 2-го на 3-е іюня, по распоряженію и. д. коменданта, весь артилерійскій паркъ перевезенъ съ сарбазскаго двора во дворецъ эмира.

На второй день обороны, т. е. 3-го іюня, непріятель столь-же дерзко и настойчиво, какъ и въ первый день, велъ атаки на разные пункты; фа-

натйки влѣзали на стѣны, цѣплялись за нихъ жельзными кошками. Около 10 часовъ утра, партія человекъ въ тридцать, разобравъ заложное отверстие въ стѣнѣ около провіантскаго склада, ворвалась въ цитадель. Слышались крики «уръ-уръ». И. д. коменданта закричалъ около лазарета: «кто можетъ держать ружье, бѣги къ провіантскому пролому!» А мнѣ и шевельнуться больно: у меня образовались гнойные затеки въ лѣвомъ бедрѣ. Взялъ въ руки лежавшій на табуретѣ около кровати револьверъ и жду... Еще минута, и крики ура! покрыли крики ворвавшихся: часть пристрѣлена, часть выбита штыками, часть бѣжала.

Въ этотъ день у Бухарскихъ воротъ убитъ артилерій подпоручикъ Служенко. А всего во второй день обороны гарнизонъ потерялъ убитыми и ранеными 70 человекъ, что вмѣстѣ съ потерей первого дня составило уже 150 человекъ.

Было очевидно, что если гарнизонъ будетъ и въ слѣдующіе дни нести такія потери, какъ въ первые два дня, то черезъ день, много два нельзя будетъ защищать всю оборонительную линію, а потому въ концѣ-концовъ рѣшено комендантомъ: расчистить эспланаду около эмирскаго дворца и самый дворецъ привести въ оборонительное положеніе; когда-же истощатся всѣ усилія для обороны стѣнъ цитадели и непріятель ворвется въ цитадель, то всѣмъ собираться въ эмирскій дворецъ, обороняться тамъ до послѣдней крайности, а въ случаѣ прорыва и туда непріятели—взорвать порохъ и снаряды.

Лазаретъ былъ перенесенъ въ ханскій дворецъ еще днемъ 3-го числа, а въ ночь съ 3-го на 4-е іюня было приступлено съ помощью арбакешей, джигитовъ и др. къ расчисткѣ эспланады; въ эту же ночь, какъ видно изъ рапорта и. д. коменданта за № 55, окончена работа по постановкѣ орудія у сарбазскаго двора. Тутъ долженъ замѣтить, что кромѣ двухъ оставленныхъ батарейныхъ орудій, въ цитадели хранились 21 орудіе, покинутыя непріателемъ въ дѣлѣ 1-го мая; нѣкоторыя изъ этихъ орудій были употреблены въ дѣло при оборонѣ цитадели, а снаряды къ нимъ подобраны изъ артилерійскаго парка.

4-го іюня хотя и велась оживленная перестрѣлка и были попытки ворваться на нѣкоторые пункты, но уже той настойчивости, какая была проявлена

въ первые два дня, не замѣчалось. Ночью съ 4-го на 5-е число лазутчикъ изъ иранцевъ сообщилъ и. д. коменданта, что главныя силы бухарцевъ разбиты командующимъ войсками округа 2-го іюня на Зерабулакскихъ высотахъ, и что шахрисябцы, узнавъ объ этомъ, 3-го числа ночью отступили отъ Самарканды.

Потомъ рассказывали, будто-бы между шахрисябскими беками произошла распря изъ-за того, кому изъ нихъ быть главнымъ въ Самаркандѣ. Ни одинъ уступить не хотѣлъ. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ другому: «ну, такъ ты и бери цитадель, а я уйду», и ушелъ. Другой попыталъ счастья еще на слѣдующій день и тоже ушелъ.

Остальные дни обороны 5-й, 6-й и 7-й велась только перестрѣлка съ непріателемъ. 5-го іюня непріатель собирался толпою въ 12 часовъ дня броситься на Самаркандскія ворота, но былъ отбитъ картечью; тутъ во время перестрѣлки у насъ двое ранено.

Съ 5-го числа съ нашей стороны начались вылазки въ городъ, для сожженія близъ лежащихъ сакель и за фуражемъ для артилерійскихъ лошадей.

За всѣ дни съ 4-го по 8-е число іюня, у насъ ранено только 2 человѣка. 8-го іюня утромъ прибылъ въ Самаркандъ генераль-губернаторъ фонъ-Кауфманъ со своимъ отрядомъ и при его приближеніи непріатель бѣжалъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ нападеніи на цитадель участвовали: шахрисябцы, подъ предводительствомъ Джура-бека и Баба-бека въ числѣ до 25 тысячъ; китай-кипчаки, подъ предводительствомъ Адиль-Дахта въ числѣ 15 тысячъ; ургутцы, пенджикендцы, наймановцы, тюаклинцы, бара-калпаки, самаркандцы и жители окрестныхъ Самарканду кишлаковъ, подъ начальствомъ Хусанъ-бека, Абдулъ-Гафаръ-бека и Омаръ-бека въ числѣ до 15 тысячъ, а всего до 55 тысячъ человѣкъ.

Осаждавшіе цитадель стрѣляли изъ фальконетовъ и малокалиберныхъ орудій даже съ городскихъ мечетей, и тѣмъ наносили вредъ находившимся и въ ханскомъ дворцѣ: двое больныхъ въ лазаретѣ были ранены; одинъ снарядъ влетѣлъ черезъ открытыя двери въ помещеніе, гдѣ я лежалъ, и пробилъ стѣну надъ моей кроватью; нѣкоторые изъ раненыхъ на оборонительной линіи получили вторичныя раны при доставленіи ихъ на перевязочный пунктъ.

За время обороны цитадели было послано и. д.

коменданта генералу Кауфману семь донесеній и изъ нихъ дошло по назначенію только седьмое, а шесть были перехвачены.

Мы приобрѣли Самаркандъ 1-го мая и до 1-го іюня прошелъ цѣлый мѣсяцъ; но къ исправленію разрушенныхъ въ стѣнѣ мѣсть или къ устройству приспособленій для обороны, приступлено не было. Конечно, никому и въ голову не приходило, чтобы туземцы дерзнули напасть на насъ; но обстоятельства сложились такъ, что они напали.

Къ счастью, отстоять цитадель намъ удалось, а если-бы она пала, то отряду генерала Кауфмана пришлось-бы вновь брать Самаркандъ при обстоятельствахъ болѣе трудныхъ, такъ какъ артиллерійскій паркъ былъ-бы въ рукахъ непріятеля.

Офицерскіе чины гарнизона за оборону самаркандской цитадели получили по три награды: по чину, ордену и годовому окладу жалованья.

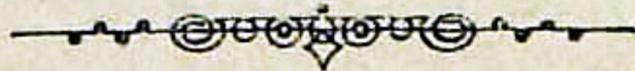
Сраженіе 2-го іюня 1868 года на Зерабулакскихъ высотахъ было послѣднимъ сраженіемъ съ эмиромъ. Эмиръ сталъ уступчивѣе и мирные переговоры пошли быстрѣе. Около 20-го числа эмиромъ былъ сдѣланъ первый взносъ наложенной на него контрибуціи. Генераль-губернаторъ фонъ-Кауфманъ приказалъ выдать изъ этой контрибуціи всѣмъ офицерамъ дѣйствующаго отряда по нѣскольку золотыхъ монетъ (каждая золотая бухарская монета—тилля—стоитъ на наши деньги четыре рубля).

Такимъ образомъ я могу съ гордостью вспомнить, что и въ моемъ кошелькѣ была частица контрибуціи эмира!

Приказомъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа отъ 24-го іюня 1868 года за № 30, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ поздравилъ войска съ заключеніемъ мира съ Бухарою.

Я же, въ свою очередь, поздравляю оставшихся въ живыхъ сослуживцевъ съ 35-ю годовщиною пережитыхъ нами событій, отъ души говоря—павшимъ въ бояхъ и умершимъ—вѣчная память!

Отставной ген.-майоръ А. Альбедиль.

Очерки послѣднихъ событій на бухарской границѣ и въ Бухарѣ.

I.

«..... Смерть эмира Нафулла произошла отъ припадка гнѣва, овладѣвшаго имъ..... отъ неслыханнаго упорства, съ которымъ Шегрисебзъ противостоялъ тридцати сраженіямъ и шестимѣсячной осадѣ.» *Вамбери.*

Имѣя въ виду, что правильная корреспонденція изъ мѣстностей отдаленныхъ, въ особенности же вновь пріобрѣтенныхъ, а потому и мало извѣстныхъ, можетъ устранить неточность свѣдѣній о событіяхъ, совершающихся въ этихъ мѣстностяхъ, я принялъ намѣреніе сообщать редакціи «Русскаго Инвалида» о здѣшнихъ происшествіяхъ, не стѣняясь формою изложенія своихъ очерковъ. О здѣшнемъ краѣ послѣ занятія его нами писано весьма мало, между тѣмъ событія и обстановка наша здѣсь мѣняются часто, а потому думаю, что всякому русскому въ Россіи не безъинтересно знать — какъ тамъ, гдѣ-то далеко, живутъ другіе русскіе, заброшенные чуть не на край свѣта?... Полагаю, что это должно быть такъ, и затѣмъ приступаю къ дѣлу. Я сообщу о настоящемъ положеніи здѣшняго края и о тѣхъ происшествіяхъ въ послѣднее время, которыя даютъ поводъ думать, что мы несомнѣнно упрочимъ его спокойствіе и что господство наше здѣсь не будетъ безплоднымъ. Но не будемъ загадывать впередъ и взглянемъ на событія здѣшняго края за послѣднее полугодіе.

Съ отѣздомъ отсюда, въ іюнѣ 1868 года, туркестанскаго генераль-губернатора, враги наши снова замыслили поколебать русское господство.

Первыми заявили себя съ этой стороны воинственные узбеки Шарсабиза, — а потомъ и кочевые дикари, сподвижники извѣстнаго разбойника Саздыка. Мы займемся исключительно первыми, потому что вторые пока не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

На юго-западъ отъ Самарканда, на три дня похода, въ горахъ, есть небольшое независимое владѣніе, населенное узбеками изъ колѣна *Кеннезз*. Владѣніе это зовется *Шехерсябзз* (зеленый городъ), а въ просторѣчьи *Шарсабизз*, какъ я и буду называть его по удобству произношенія. Шарсабизъ — родина знаменитаго Тимура — состоитъ изъ нѣсколькихъ городковъ и деревень. Подробныя свѣдѣнія о нихъ собрать пока невозможно. Извѣстно лишь, что хорошо населенными считаются собственно городъ Шарсабизъ и городъ Китабъ.

Извѣстно также, что цитадель Шарсабиза построена при Тимурѣ. Она зовется Акъ-сарай и принадлежитъ къ числу тѣхъ 7-ми высокихъ зданій временъ Тимура, имена которыхъ сохранили здѣшнія лѣтописи, какъ имена семи чудесъ свѣта. Нашъ туркестанскій Хазретъ-Ясави принадлежитъ къ нимъ. Стѣны Акъ-сарая имѣли будто бы когда-то 100 аршинъ высоты, но со временемъ обвалились и теперь не превышаютъ 65. Въ Шарсабизѣ русскіе еще не были. Говорятъ, что тамъ сырой климатъ.

Воинственные обитатели ихъ кенигезы всегда имѣли своихъ бековъ, и съ помощію гористой мѣстности, а главное, благодаря оригинальному свойству окрестностей города Шарсабиза затопляться на большое пространство водою посредствомъ нѣсколькихъ плотинъ,

не всегда вполне подчинялись даже бухарскимъ владѣтелямъ, хотя все-таки считались ихъ вассалами. Попытки эмировъ взять Шарсабизъ, когда кенигезы бунтовали, всегда оканчивались ничѣмъ.

Впрочемъ, преданія сохранили успѣхъ покойнаго эмира Наф-Аллаха подъ стѣнами Шарсабиза... Но какой успѣхъ!... Эмиръ нѣсколько лѣтъ сряду ходилъ подъ Шарсабизъ и уничтожалъ хлѣбныя посѣвы, сады, не пропускалъ въ городъ изъ Карши соль, отчего народъ страдалъ будто бы какими-то опухолями и т. п., такъ что кенигезы отворили наконецъ ворота города, но Наф-Аллахъ заплатился за свое торжество жизнью: онъ отнялъ у одного изъ шарсабизскихъ бековъ, а именно у Якуба, его жену, извѣстную въ свое время красавицу, — сестру правившаго въ ту пору Шарсабизомъ бека Искендера. По рассказамъ, она сначала влила въ ухо мужа ртути, а потомъ и совсѣмъ отравила его. Несчастная созналась послѣ страшныхъ пытокъ и съ двоими дѣтьми умерла у смертнаго одра тирана-мужа подъ ножомъ палача. Вамбери рассказываетъ этотъ случай иначе, и приписываетъ смерть эмира совсѣмъ другому обстоятельству, что видно и изъ эпитафии этой замѣтки.

Теперешній эмиръ, хотя и былъ какъ-то съ войскомъ подъ Шарсабизомъ, но, говорятъ, также безуспѣшно: кенигезы отстаивали свою независимость и гордятся ею, замкнувшись въ своихъ горахъ. Они отличаются вообще нетерпимостью къ иноземцамъ, но все-таки оказываютъ гостепрѣимство всѣмъ политическимъ изгнанникамъ и бѣглецамъ изъ Бухары, Кокана и дру-

гихъ мѣсть. Въ преданіяхъ остались имена многихъ владѣтельныхъ особъ, искавшихъ пріюта у кенигезовъ послѣ политическихъ бурь, которыми такъ богата жизнь здѣшняго народа, благодаря его поголовному невѣжеству, мусульманской религіи и безобразнымъ формамъ государственнаго строя.

Шарсабизскіе беки, съ своими полчищами, въ числѣ прочихъ туземцевъ страны, также принимали участіе въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ. Они въ ту пору дружили съ эмиромъ; но стали врагами его послѣ того, какъ онъ благоразумно заключилъ миръ съ Россією. Строгіе уроки, данные русскимъ оружіемъ, не заглушили въ нихъ фанатизма, а боязнь за свою власть и значеніе, а также надежда на успѣхъ подвигли ихъ, по уходѣ отсюда части нашихъ войскъ въ Ташкентъ, на новую борьбу съ пришлыми «кафырами», которыхъ такъ немного осталось въ священномъ Самаркандѣ.... И началась подземная работа.....

II.

«Форма правленія въ Бухарѣ сохранила очень немного изъ первобытнаго персидскаго или арабскаго элемента. Турко-монгольскій элементъ преобладаетъ и придаетъ всему извѣстный тонъ. Его можно скорѣе назвать военнымъ деспотизмомъ.»

«Они (жители Бухары) всячески восхваляли меня, но не дали мнѣ ни одного фартинга, и мнимая набожность этого народа представляла странную противоположность съ неподдѣльнымъ благочестіемъ и непритворнымъ радушіемъ хивинскихъ узбековъ.»

Вамбери.

Упомянувъ выше о безобразныхъ формахъ здѣшняго государственнаго строя, я имѣлъ, между прочимъ, въ виду и тотъ безобразный законъ или обычай, по которому здѣшніе владѣтели признаются полными властителями всего, что принадлежитъ ихъ подданнымъ. Ханъ или бекъ воленъ отнять лошадь и дорогой коверъ, жену и дочь..... Ему же принадлежитъ и жизнь его подданнаго, и *все* въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Благодеяствуя такимъ образомъ на счетъ народа, ханы и беки, понятно, являются самыми рьяными противниками всякихъ постороннихъ вліяній, и въ крайнихъ случаяхъ, — какъ это было и прошлымъ лѣтомъ, когда

мы заняли Катта-Курганъ, — опираясь на религію, они первые произносятъ слово: *казо* — война за вѣру, народная война. Народъ поднимается по этому зову, подстрекаемый духовенствомъ, которое имъ живетъ и всегда, ради корысти и собственнаго благополучія, злоупотребляетъ своимъ на него вліяніемъ. Народъ идетъ на враговъ, руководимый не столько желаніемъ независимости и другими національными доблестями, которыя, конечно, хотя въ нѣкоторой степени все-таки присущи и ему, — нѣтъ, народъ идетъ потому, что велитъ идти религія или бекъ, идетъ потому, что вліяніе религіи, съ ея представителями, и воля бека неотразимы. Истинныхъ патріотовъ съ благоразумными человѣческими инстинктами въ здѣшнихъ массахъ мало, даже нѣтъ. Здѣсь болѣе фанатики, остывающіе при первой неудачѣ и засыпающіе на долго, если не навсегда.

Народъ здѣшній слабъ духомъ, миролюбивъ до идиліи и мѣсто его за плугомъ, за ткацкимъ станкомъ... Посмотрите на пѣшія войска эмира или коканскаго хана. Они состоятъ изъ персіянъ, которыхъ можно купить на всѣхъ рынкахъ средней Азіи, какъ всякій другой товаръ, или изъ авгановъ и другихъ болѣе воинственныхъ племенъ, которыхъ можно нанять. Посмотрите на главныхъ дѣятелей на поприщѣ политики или войны. Это или выслужившіеся персидскіе рабы (ссылаюсь въ этомъ на Вамбери), или бѣглые русскіе казаки и солдаты... Народъ даетъ своимъ правителямъ на прихоти деньги и доволенъ, что его не беспокоятъ, не мѣшаютъ его занятіямъ; народъ живетъ своею замкнутою жизнью, выработанною когда-то предками, и никогда не нарушилъ бы покоя этой жизни, если бы не нарушили его стоящіе во главѣ массъ князья и муллы, эти корыстные и невѣжественные деспоты — главные виновники всѣхъ народныхъ движеній и несчастій. — Народъ кротокъ и довѣрчивъ; онъ видѣлъ, что мы не тронули, сдавшійся 1-го мая, Самаркандъ и самъ сдалъ Катта-Курганъ, лишь только беки съ ихъ шайками разбойниковъ вышли изъ города. Народъ въ большинствѣ избѣгаетъ войны и прячется по садамъ и труппамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ здѣшній крайне испорченъ религіею и правителями, испорченъ на долго, пока не вырождаются поколѣнія. Онъ боится и не любитъ бековъ и хановъ и часто рѣжетъ ихъ; въ немъ есть жажда жизни, наслажденія, разгула, но ее заглушаютъ уставы религіи и ея корыстные ревнители. Народъ даже плохой мусульманинъ, онъ бо-

лѣе сбить съ толку, а потому въ огромномъ большинствѣ безсознательнѣ даже въ своей религіозной экзальтаціи. Между тѣмъ эта экзальтація составляетъ высшую степень проявленія его духовной жизни, его доблестей и страстей. — И выходитъ дѣло дрянъ...

За примѣромъ ходить не далеко.

Вынужденные вѣроломствомъ сосѣдей, поднялись и идутъ «невѣрные». Они хотятъ мира, они требуютъ его у «правовѣрныхъ» и напоминаютъ старые уроки, которые еще такъ живы въ памяти. Но миръ отвергнуть духовенствомъ и беками, безсознательно отвергнуть толпою и волею-неволею самимъ эмиромъ. Народъ шумитъ; онъ требуетъ отъ правительства охранить его отъ иноземнаго ига. Требованіе вполнѣ справедливое. А «невѣрные» идутъ все впередъ. Вотъ они у святынь Самарканда — взяли ихъ; вотъ палъ городъ Ургутъ и сдался безъ бою городъ Катта-Курганъ. «Невѣрные» въ нѣсколькихъ переходахъ отъ «благородной» Бухары. И дрогнули ревнители ислама, поборники мнимой свободы и независимости народа, корыстолюбцы-беки и муллы и раздалось *казо*, произнесенное черезъ силу самимъ повелителемъ страны — эмиромъ, давно сознававшимъ безсиліе своего народа и могущество издалика пришлыхъ «кафыровъ». Но, какъ капля въ этомъ бурномъ морѣ фанатизма и неурядицы, сознаніе это пропало безслѣдно: эмиръ утратилъ власть. Поднялись кенигезы, поднялись многолюдныя племена узбековъ, поднялся снова Ургутъ, возстали безчисленные китайкипчаки и все это дружно ударило на пришельцевъ. Нечего говорить — чѣмъ все это кончилось.

Преданія сохранять постыдную неудачу «правовѣрныхъ» въ Кара-Тюбе предъ горстью «кафыровъ» (27-го и 28-го мая 1868 г.). Преданія нѣсколькимъ грядущимъ поколѣніямъ передадутъ позорное отступленіе отъ Самаркандской цитадели кенигезовъ (4-го іюня 1868 г.), передадутъ побѣду «невѣрныхъ» надъ «правовѣрными» на Зирабулакѣ (2-го іюня 1868 г.).

Послѣ этихъ новыхъ уроковъ народный жаръ, какъ и слѣдовало ожидать, остылъ, и нравственное безсиліе народа стало еще нагляднѣе. Беки, муллы и всѣ вообще поборники войны задумались, и должно предполагать, на столько были парализованы неслыханной мощью горсти «невѣрныхъ», что эмиръ, которому прежде грозили смертью, если не будетъ воевать съ невѣрными, котораго духовенство хотѣло замянуть позорнымъ эпи-

тетомъ отступника, «кафыра», — будучи правъ передъ народомъ, воспользовался благопріятными минутами, пока были еще памятны ужасы побоищъ, и поспѣшилъ заключить миръ. Посланники его высокостепенства скоро послѣ дѣла на Зирабулакѣ прибыли въ Самаркандъ и генераль-губернаторъ, закончивъ организацію управленія вновь образованнымъ Заравшанскимъ отругомъ, вернулся съ частію войскъ въ Ташкентъ.

Такъ кончилась весенняя экспедиція къ Самарканду. Но далеко не кончились еще затѣи «правовѣрныхъ».

(Окончаніе будетъ).

МОСКВА, 15-го іюля.

Всего нѣсколько дней тому назадъ мы сообщили важное извѣстіе о разрывѣ съ Бухарой и о движеніи туркестанскаго генераль-губернатора внутрь этого ханства. Важный успѣхъ вполне соответствовалъ отважной рѣшимости генерала Кауфмана, и послѣ нѣсколькихъ дней марша и незначительнаго боя на высотахъ Самарканда, этотъ городъ съ классическимъ именемъ былъ взятъ нашими войсками. Сегодня петербургскія газеты принесли намъ новое извѣстіе — о взятіи Бухары. Телеграмма гласитъ, что столица эмира взята безъ боя, а еще прежде въ частной телеграммѣ, сообщенной *Биржевыми Вѣдомостями*, извѣщалось, что для занятія Бухары генераломъ Кауфманомъ былъ командированъ полковникъ Абрамовъ. Это новый и рѣшительный ударъ Бухарскому эмиру, тѣмъ болѣе чувствительный, что нанесенъ безъ всякихъ усилій. Нѣсколькихъ переходовъ горсти русскихъ солдатъ было достаточно для того чтобы потрясти въ основаніи бухарское величіе.

Занятіе Бухарскаго ханства есть теперь осуществившійся фактъ, но занятіе не есть еще анкорворація. Что среднеазиатскія ханства должны

быть подъ рукою Россіи и состоять въ зависимости отъ нея, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Зависимость эта можетъ быть полная, оставаясь чисто внѣшнею, и если страна, лишенная самостоятельной вооруженной силы, должна находиться подъ рукою Россіи, то управленіе бухарскими населеніями и вся внутренняя жизнь ихъ не могутъ стать съ пользою предметомъ попечительности русскихъ властей. Теперь яснѣе чѣмъ когда-либо выказывается вся выгода нашей пограничной черты въ Средней Азіи. Огненнымъ русскіе купцы столь же безопасно будутъ проживать въ Бухарѣ, Коканѣ и Кашгарѣ, какъ теперь проживаютъ въ Ташкентѣ. Не надо, однако, забывать, что преобладаніе въ Средней Азіи будетъ выгодно для Россіи только въ томъ случаѣ, если не будетъ вымогать изъ ней ни денегъ, ни людей, а напротивъ, само что-либо принесетъ ей, — если сбудутся слова, сказанныя въ одномъ изъ донесеній генерала Черныева: „Страна, въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ занятая, имѣетъ всѣ средства для самобытнаго существованія, и изъ Россіи кромѣ снарядовъ и пороху, ничего не требуется.“

МОСКВА, 20-го июля.

Походъ русскихъ войскъ въ Бухару, начавшійся блистательнымъ занятіемъ Самарканда, привелъ эмира къ спасительному сознанию своей слабости. Напечатанная надняхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* частная телеграмма извѣстила объ окончаніи войны и о заключеніи мира; въ номерѣ полученномъ сегодня помѣщена вторая телеграмма, съ нѣкоторыми дополнительными подробностями; курьеръ съ этимъ извѣстіемъ еще въ пути, но оно не подлежитъ сомнѣнію.

Война съ Бухарой началась за два года предъ симъ. Отношенія наши къ этому ханству приняли неприязненный характеръ еще лѣтомъ 1865 года, при покореніи генераломъ Черняевымъ Ташкента. Эмиръ самъ имѣлъ въ виду захватить Ташкентъ, что и подало поводъ къ распрѣ. Не объявляя войны, эмиръ собиралъ войска около нашихъ границъ, и началъ волновать умы покореннаго Россіей населенія. Генералъ Романовскій, вскорѣ по прибытіи своемъ въ край, двинулся противъ него, разбилъ на голову его армию при Ирджарѣ и отнялъ у него Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джузакъ. Послѣ этого военныя дѣйствія прекратились, но миръ заключенъ не былъ. Все время, до послѣдняго движенія генерала Кауфмана въ Бухару, шли переговоры о

мирѣ, а между тѣмъ шайки Бухарцевъ неоднократно появлялись въ нашихъ предѣлахъ. Теперь будетъ положенъ конецъ этому неопредѣленному положенію. Заключение мира съ Бухарой важно и потому еще, что прекращаетъ всякіе толки о присоединеніи Бухарскаго ханства. Дѣйствія генерала Кауфмана въ Бухарѣ были встрѣчены общимъ одобреніемъ; но въ то время когда одни въ этихъ дѣйствіяхъ видѣли только благоразумную рѣшительность, другіе привѣтствовали ихъ какъ начало новыхъ присоединеній и доказывали, что Россія должна включить въ свои владѣнія оба бассейна Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, и заняться цивилизованіемъ этихъ странъ. (*Вѣсть* № 69.) Исполненіемъ этой программы вниманіе и силы Россіи надолго были бы отвлечены отъ нашихъ внутреннихъ и европейскихъ дѣлъ. Программа не новая: еще въ тридцатыхъ годахъ намъ предлагалъ ее извѣстный Мѣрославскій.

Зачѣмъ Россіи присоединять къ себѣ многолюдныя массы иноплеменнаго, чуждаго ей магометанскаго населенія? Выиграетъ ли русская народность, если послѣ тяжкихъ усилій, она достигнетъ наконецъ успѣха и приметъ въ себя эти населенія? Выиграетъ ли государство? Уже и Туркестанская область даетъ себя чувствовать государственному бюджету. Что же было бы далѣе при

новыхъ занятіяхъ и цивилизаторскихъ упражненіяхъ?

Занятіе Ходжента, Ура-Тюбе и Джузакъ дало Россіи господствующее въ Средней Азійи положеніе. Коканъ и Бухара отдѣлены одно отъ другаго русскими владѣніями, и поставлены такъ относительно Россіи, что она во всякое время можетъ не только разгромить ихъ, но и со-всѣмъ уничтожить. Последнія событія въ Бухарѣ достаточно доказы-ваютъ это. Въ короткое время горсть русскихъ войскъ безпрепятственно проникаетъ изъ Джузакъ въ нѣдра Бухары, и не-смотря на возбужденную тамъ народ-ную войну достигаетъ сразу значи-тельныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ ханы могутъ быть только покорными орудіями въ нашихъ рукахъ. Ханъ Коканскій уже давно и находится въ такомъ положеніи. Въ такое же положеніе, по всему вѣроятію, будетъ приведенъ нынѣ и эмиръ Бухарскій. Затѣмъ лучшаго сосѣдства нечего и искать намъ въ Средней Азійи. Какъ ни велика не-урядица въ этихъ ханствахъ, какъ ни грубы нравы и обычаи ихъ жате-лей, все же въ Средней Азійи они яв-ляютъ собою гораздо высшую сте-пень цивилизаціи чѣмъ окружаю-щіе ихъ кочевники. Бухара и Ко-канъ, съ ихъ зависимымъ отъ насъ положеніемъ, лучше замыкаютъ на-ши границы нежели непосредствен-ное сосѣдство съ разбойничьими туркменскими племенами, кочую-щими между Бухарой и Персіей, или множествомъ мелкихъ деспотовъ Кундуза, Гейбека, Кегмереда, Са-гана, Баміана, Маймене и наконецъ горныхъ владѣтелей въ Кабулѣ, Кафиристанѣ и Бадахшанѣ. Между тѣмъ присоединеніе Бухары, на-добно думать, раздражило бы про-тивъ Россіи большинство ея населе-нія, съ магометанскимъ духовен-ствомъ во главѣ. Бухара привыкла къ самостоятельному существова-нію; она имѣетъ свои гордыя пре-данія: она издавна была центромъ

не лишеннымъ своего рода величія и нѣкотораго блеска въ магометан-скомъ мірѣ. Оставляя ей тѣнь само-стоятельности и не путаясь въ ея внутреннее управленіе, можно приру-чить ее, и черезъ нее, безъ всякихъ жертвъ и усилій, имѣть дѣйстви-тельное вліяніе въ долину Аму-Дарьи.

Мнѣніе, что съ среднеазиатскими владѣтелями не можетъ быть ника-кого ладу, едва ли вѣрно. Какъ ни кратковременно наше прошедшее въ Средней Азійи, но и оно уже доказы-ваетъ возможность имѣть въ своемъ сосѣдствѣ независимое и дружествен-ное ханство. Мы говоримъ о Ко-канѣ. Коканъ еще недавно былъ обширнымъ владѣніемъ, простирав-шимся отъ Небесныхъ Горъ до юж-ныхъ границъ Сибири и низовья Сыръ-Дарьи. Всѣ земли заняты въ последнее время Россіей и окай-мляющія Киргизскую степь отняты ею отъ Кокана. Ханъ Коканскій, Худояръ, состоитъ въ близкомъ род-ствѣ съ эмиромъ Бухарскимъ, и ему обязанъ своимъ престоломъ. Не-смотря на все это, Худояръ-ханъ, съ замѣчательнымъ въ его положеніи тактомъ, тотчасъ же понялъ свое истинное положеніе относительно Россіи. По взятіи Русскими Ташкен-та, лѣтомъ 1865 года, онъ устранился отъ военныхъ дѣйствій, когда Бу-харскій эмиръ сталъ къ нему гото-виться. Съ этого времени Коканское ханство стало въ самыя покорныя къ Россіи отношенія. Въ своихъ письмахъ къ русскимъ властямъ, Худояръ-ханъ неоднократно свидѣ-тельствовалъ о своей покорности и желаніи мира. Во время рѣши-тельнаго столкновенія Русскихъ съ Бухарцами, онъ писалъ гене-ралу Романовскому: „Душевное же-ланіе мое есть одно только: быть „Бѣлому Царю искреннимъ другомъ, „враждовать же съ нимъ я не имѣю „никакого намѣренія.“... „Если пра-„будутъ къ намъ торговцы или же „другаго сословія люди изъ народа „Бѣлаго Царя, за чѣмъ бы то ни „было, мы во всякомъ случаѣ бу-

„демъ уважать ихъ и ласкать болѣе
 „чѣмъ своихъ подданныхъ, и будутъ
 „они производить у насъ свободно
 „торговлю, равнымъ образомъ и от-
 „сюда, сколько бы ни прибыло тор-
 „говцевъ въ Имперію Бѣлаго Царя,
 „мы надѣемся, что и они, также
 „какъ ваши подданные, будутъ об-
 „ласканы и допущены къ свобод-
 „ной торговлѣ, ибо это всегда такъ
 „водится. Если такимъ образомъ съ
 „обѣихъ сторонъ будетъ свободное
 „торговое сношеніе, то жители, поль-
 „зуясь подобною свободой и спокой-
 „ствіемъ, будутъ молить Бога....“ *
 Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ имени сво-
 его властителя, посланный объ-
 явилъ генералу Романовскому, что
 „Худояръ-ханъ всегда будетъ свято
 „исполнять приказанія русскихъ
 „властей“. И дѣйствительно, во все
 время войны съ Бухарой, Худояръ
 велъ себя какъ нельзя лучше. Не
 заявляя никакихъ претензій на не-

посредственные переговоры съ цент-
 ральнымъ русскимъ правительствомъ,
 Худояръ ни разу не нарушилъ по-
 корныхъ и дружескихъ отношеній къ
 Россіи и не провинился ни въ ка-
 комъ вѣроломствѣ. Наша торговля
 чрезъ его владѣнія не встрѣчаетъ
 ни препятствій, ни затрудненій.

Единственный интересъ Россіи въ
 Средней Азійи есть чисто торговый.
 Намъ некогда цивилизовать тамо-
 шніе народы, у насъ и своего дѣла
 довольно; но намъ нужно обезпе-
 чить наше торговое движеніе во глу-
 бину Азійи и дать обширный рынокъ
 нашимъ мануфактурамъ. Въ четыре
 года мы обезпечили себѣ рынки
 Ташкента, Бухары и Кокана, наши
 товары уже начинаютъ проникать
 въ китайскій Туркестанъ, гдѣ не
 встрѣчаютъ никакой себѣ конкур-
 ренціи: вотъ существенныя выгоды,
 и на этомъ пути можемъ мы легко
 достигнуть наилучшихъ успѣховъ.

* Замѣтки по среднеазіятскому вопро-
 су. Д. И. Романовскаго.

Сегодня мы воспроизводимъ свѣдѣнія сообщенныя *Русскимъ Инвалидомъ* о послѣднихъ событіяхъ въ Средней Азій.

Походъ генераль-адъютанта Кауфмана въ Бухару минувшею весной много измѣнилъ наше прежнее положеніе въ Туркестанѣ. Дѣйствовавъ до тѣхъ поръ только въ долинѣ рѣки Сыра, мы со времени этого похода перевалили въ долину Аму. Занятіе Самарканда имѣло не только важное нравственное значеніе, но и чуть не повлекло за собой совершеннаго распадѣнія ханства. Старшій сынъ властителя Бухары, Катты-Тюра, по заключеніи мира съ Россіей, сталъ во главѣ недовольныхъ чтобы свергнуть отца съ престола. Садыкъ, извѣстный своею отвагой и хищническими набѣгами въ наши предѣлы, присталъ къ недовольнымъ, и ханству грозила общая смута. Дѣйствіями нашихъ войскъ, подробно изложенными въ приводимыхъ ниже извѣстіяхъ, власть эмира восстановлена.

Мирное существованіе средне-азіатскихъ ханствъ вовсе не противорѣчитъ интересамъ Россіи. Всѣ земли, занятія нами до похода генерала Кауфмана въ Бухару, принадлежали къ Коканскому ханству, но это не помѣшало хану Худояру, понявшему свое положеніе, стать въ миролюбивыя и дружественныя къ Россіи отношенія. Россія только

выиграла оттого, что не заняла Коканскаго ханства. Въ настоящее время торговля и другія сношенія съ Коканомъ идутъ безпрепятственно, и лицо наиболѣе заинтересованное въ охраненіи безопасности личной и имущественной каждаго Русскаго прѣзжающаго въ ханство есть самъ ханъ. Разумѣется, онъ лучше поддержитъ спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ нежели прибывшій издалека и часто не свѣдущій въ дѣлахъ края русскій чиновникъ. Излишнее ослабленіе Кокана вообще имѣло бы не совсѣмъ благоприятныя послѣдствія, ибо повлекло бы за собою усиленіе сосѣдняго алтышарскаго владѣтеля, который можетъ быть приведенъ въ зависимое отъ Россіи положеніе черезъ Коканскаго хана безо всякихъ съ ея стороны жертвованій. Сказанное о Коканѣ относится и къ Бухарѣ. Намъ гораздо лучше имѣть сосѣдомъ зависимаго отъ насъ эмира нежели самимъ занять Бухару и примкнуть непосредственно къ кочевьямъ Туркменъ. Россія уже испытала что значить сосѣдство кочующихъ населеній. Отъ Урала вынуждена она была перенестись за 2.000 верстъ, и въ верховьяхъ Сыра и отрогахъ Небесныхъ Горъ искать себѣ точки опоры. Бухара есть варварское мусульманское ханство, но все же она цивилизованнѣе Туркменъ. Если бухарскіе порядки непрочны и ненадежны, все же коль скоро

эмиръ Бухарскій пойметъ, что существованіе его какъ государя находится въ рукахъ Россіи, то онъ можетъ быть добрымъ и полезнымъ сосѣдомъ. Весенній походъ въ Бухарскія владѣнія имѣлъ именно такое отрезвляющее дѣйствіе. Прежде общее мнѣніе въ Средней Азіи полагало, что эмиръ можетъ еще поспорить съ Россіей и счастливымъ ударомъ лишить ее прежнихъ пріобрѣтеній. Походъ доказалъ убѣдительно всю несостоятельность этого кичливаго мнѣнія. Отмежеваніе Самарканда съ его райономъ (Зарявшанскій округъ) настолько ослабило Бухарскаго эмира, что онъ долженъ стать относительно насъ въ положеніе Коканскаго хана, но онъ еще достаточно силенъ для того, чтобы государство его могло спокойно продолжать свое существованіе. Поведеніе Бухарскаго эмира, по заключеніи мира, показываетъ, что онъ теперь хорошо понялъ свое положеніе. При проведеніи новой границы онъ выслалъ съ своей стороны уполномоченныхъ, такъ что граница проводилась коммиссіей имѣвшею видъ международной,—обстоятельство доселѣ не виданное въ Средней Азіи. Затѣмъ эмиръ не колебался попросить у русскаго правительства помощи, какъ у друга, противъ своихъ враговъ. Генералъ Абрамовъ, согласно инструкціи данной на этотъ случай туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, двинулся съ частію войскъ въ Бухарскіе предѣлы, и прогнавъ мятежнаго эмира сына, возвратился въ Самаркандъ.

Иные думаютъ, что интересы нашей торговли могутъ современемъ потре-

бовать занятія Бухары и Хивы. Это кажется намъ весьма ошибочнымъ. Россіи нѣтъ ни малѣйшей надобности далѣе распространяться въ Средней Азіи и брать на себя тяжкую и дорогую обязанность управлять ея варварскими населеніями. Если торговый путь дѣйствительно направится по Аму-Дарьѣ, то это будетъ такъ выгодно ханствамъ, что побудитъ ихъ властителей изъ личныхъ интересовъ поддерживать такое движеніе торговли. Прошедшее доказало, что на это можно разчитывать, ибо ханы весьма чутки къ своей пользѣ. Но и въ томъ случаѣ, еслибы для охраненія торговаго движенія обстоятельства вынудили къ военному занятію страны, то это не должно бы вести за собою присоединенія этихъ ханствъ. Въ Средней Азіи подручный ханъ гораздо предпочтительнѣе непосредственнаго управленія страной при помощи чиновниковъ.

Въ послѣднее время англійскія газеты снова забили тревогу по поводу нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи. Положеніе принимаемое тамъ Россіей кажется для нихъ опаснымъ. Смущаться этими толками нечего. Англія не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ отношеній къ Средней Азіи и ея вмѣшательство въ наши дѣйствія на Сырѣ и Аму было бы равносильно вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла. Дѣйствія Россіи въ тѣхъ краяхъ могутъ имѣть въ виду только ея собственные интересы.